

В 1960 году я собирал по поручению ВТО сборник о творчестве Александра Николаевича Островского. Я написал вступительную статью и привлек к работе над сборником многих деятелей театра, в том числе и Веру Николаевну Пашенную. Она уезжала в отпуск в имение Островского Щельково и взяла с собой мою статью. Из Щелькова получил я от нее письмо. Вот отрывки из него.

Начинается оно с оценки моей статьи... Пашенная читала ее в "... Щелькове, которое все дышит Островским и Малым театром... природа ликует, поля, леса прекрасны, как всегда. Я понемногу оживаю. Первое время я ничего не могла делать и даже думать ни о чем не могла, и первое, за что я взялась, — это Ваша работа, которую Вы мне дали... не только я как актриса Малого театра, — но и, мне думается, каждый, кто прочтет ее, будет Вам благодарен за умную правду о нашем драматурге. Я же как-то особенно взволнована Вашим трудом. Читая его здесь, в местах, где жил и творил Островский, — я, возможно, немного по-женски, почти до слез ощущала, как гениален Островский и как виноват перед ним Малый театр последних лет, а значит, виноваты и мы, артисты Малого театра; но этому так много не оправданий, а причин, что в коротком письме этого и коснуться нельзя. Я верю, что "дело наше правое" и в итоге Малый театр снова обретает права и заслужит их и снова Островский заблестит у нас. Но... про себя скажу, что, боюсь, сил физических у меня не хватит... повернуть Малый театр "вперед" к Островскому, но будет и без меня, этого не может не быть..."

Говоря о том, что у нее нет сил возродить Островского, Вера Николаевна не знала, что страшная болезнь подкрадывается к ней и отни-

Воз. Москва. — 1992. — 19 марта

ПОДВИГ ПАШЕННОЙ

мает у нее последние силы. И тем не менее она решила взять на себя великую задачу возродить и вернуть на сцену Малого театра лучшую пьесу Островского, его "Грозу".

С первых лет революции у нас сложился определенный подход к Островскому. Его использовали для разоблачения "проклятого прошлого". "Купцы" Островского — эксплуататоры и кровопийцы, и задача состоит в том, чтобы вызвать к ним ненависть зрителей. Отсюда негативная трактовка и Кудряша, и Варвары, и Тихона. Исключение делалось для Катерины, при этом решающую роль в этом играли Добролюбов и его знаменитая статья.

Вчитавшись в пьесу, Пашенная, как она сама замечает, поняла, "что Катерина не просто единственный луч в темном царстве, как писал об этом самый великий истолкователь пьесы — Добролюбов". И добавляет: "За образами пьесы скрывается прекрасная Россия, а в пьесе раскрывается бездна русской красоты — русская ширь, русская природа, размах и удаль русских людей".

Постановщица не затушевала критической ноты пьесы, она показала "темное царство" Диких и Кабановых, но она раскрыла и удаль и обаяние Кудряша, и короткую душу Тихона, и отзывчивость Варвары, и ее сочувствие невестке, и талант изобретателя Кулигина. Все это опиралось на подлинные черты пьесы Островского и было преодолением одностороннего подхода к ней, который царил в нашем театре и нашем литературоведении. Сама Пашенная играла Кабаниху. Она

была уже тяжело больна и, как сказала мне, могла только слегка приоткрыть образ.

Обычно Кабаниху трактовали как представительницу патриархальной старины, носительницу старинных традиций. Пашенная увидела в ней другое и дала свое новое прочтение этого образа. Она играла не благочестивую носительницу традиций, а злобную мещанскую бабу, ехидную и непримиримую к Катерине. Такая трактовка придавала пьесе более современное звучание.

Спектакль имел огромный успех. Смертельно больная актриса обратилась к профессору Екатерине Петровне Иваннической, лечившей ее, со стихотворением.

*Перед "Грозой" я Вас узнала,
Увы, так поздно, жизнь прошла,
Но я узнала Вас, узнала
И красоту души нашла.
Вы необычны, Вы прекрасны,
Я понимала ведь умом,
Моя "Гроза" была опасна,
Но пронеслась, как веший гром.
И это Вы одни сумели
Своим гуманнейшим умом
Снять мой корабль с опасной мели,
И я вернулась в отчий дом.
Вернулась вновь и вновь играть,
И гром гремит над Волгой вновь,
И Вам сейчас я посвящаю
Мое искусство и любовь*

Пашенная совершила подвиг — вернула "Грозу" московским зрителям.

А. Штейн,
доктор искусствоведения.